

of a sign and the reality objects.

Key words: *semantics, semantic structure, significative aspect, denotative aspect.*

Об авторах:

КИРИЛЛОВА Виктория Витальевна – кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, *e-mail*: injaz.gturp@mail.ru.

ОСТРОВСКАЯ Светлана Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, *e-mail*: injaz.gturp@mail.ru.

УДК 811.111.26

БИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВДОПОДОБИЕ СКАЗОЧНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ КАК ПОРОЖДЕНИЕ СИНКРЕТИЧНОГО ВЫМЫСЛА

В.Ю. Клейменова

Псковский государственный университет, Псков

Персонажи современной литературной сказки являются порождениями синкретичного вымысла, то есть результатом сочетания актов жизнеподобного и нежизнеподобного вымысла. Соответствие биологических характеристик образа экзистенциальному опыту автора и читателя обеспечивает правдоподобие фикционального мира сказки.

Ключевые слова: *волшебная литературная сказка, синкретичный вымысел, жизнеподобный-нежизнеподобный вымысел, фикциональный мир, правдоподобие, художественная деталь, ментальный конструкт.*

Текст современной волшебной литературной сказки является результатом синкретичного вымысла, то есть «речемыслительной деятельности автора, познающего окружающий мир и конструирующего на его основе онтологически гетерогенные ментальные конструкты, которые объективированы в художественном тексте» [Клейменова 2015: 3]. Синкретичность авторского вымысла определяется как сочетание и взаимодействие в процессе текстопорождения актов жизнеподобного и нежизнеподобного вымысла, обеспечивающих создание разноудаленных от реальности ментальных конструктов – содержательных элементов фикционального мира. В процессе создания любых сказочных ментальных конструктов, в том числе и персонажей, наделенных экзистенциально нереализуемыми характеристиками, доминирует жизнеподобный вымысел, что предопределяет возникновение в сознании реципиента иллюзии правдоподобия мира сказки, его изоморфизма и изофункциональности внетекстовой реальности.

Сказочные персонажи представлены ментальными конструктами различной онтологии. Во-первых, миметическими образами, которые основаны на жизнеподобном вымысле. Во-вторых, образами разноудаленных от внетекстовой реальности фантастических существ, основанных на синкретичном сказочном вымысле. Традиционные для европейской культуры фольклорные и мифологические существа, представление о внешнем облике которых входит в тезаурус языковой личности более приближены к реальности, чем индивидуально-авторские образы антропоморфных и зооморфных фантастических существ. Промежуточное положение между этими типами занимают рассматриваемые в данной статье образы персонажей-людей, наделенных способностью к волшебству, что противоречит энциклопедии реального мира. Сказочный портрет может являться или средством актуализации правдоподобия фикционального мира, или средством актуализации его удаленности от реальности, что, в свою очередь, формирует языковую специфику эксплицирующих сочетаний.

Биологические характеристики персонажей обеспечивают правдоподобие фикционального мира и эксплицированы в тексте портретными описаниями. Языковая репрезентация внешности и особенностей поведения вымышленного индивида осуществляется на основе авторского выбора приписываемых квазисубъекту характеристик, некоторые из которых оказываются выдвинутыми на первый план, а другие не представлены в тексте, что позволяет говорить об их значимом отсутствии. В процессе текстопорождения портретная дескрипция обеспечивает конкретизацию образа персонажа, позволяя читателю воссоздать его визуальный облик в процессе текстосприятия.

Изображение квазисубъекта в литературной сказке отличается от его высшей степени условной репрезентации в фольклорной сказочной традиции, согласно которой «наружность персонажа или совсем не описывается, или же даются отдельные детали, характеризующие не индивидуальность, а тип героя как действующего лица» [Пропп 1998: 90]. Таким образом, внешние признаки персонажа определяются действиями, традиционно приписываемыми исполнителю данной функции в сказке. В авторском тексте читателю представлена детализированная информация о физических и умственных характеристиках героя, причем чем выше статус персонажа в иерархии (главный – второстепенный – периферийный), тем больше данных о нем приводится в тексте.

Harry had always been small and skinny for his age. <...> Harry had a thin face, knobby knees, black hair, and bright green eyes. He wore round glasses held together with a lot of Scotch tape because of all the times Dudley had punched him on the nose. The only thing Harry liked about his own appearance was a very thin scar on his forehead that was shaped like a bolt of lightning (Rowling 1999: 20).

(He <Mr. Dursley> was a big, beefy man with hardly any neck, although he did have a very large mustache) (Rowling 1999: 1).

Портреты главного персонажа, Гарри Поттера, и периферийного, его дяди, различаются не количеством репрезентированных характеристик (в обоих случаях описаны фигура и лицо), а степенью их эксплицированности. Лицо периферийного персонажа представлено в тексте одной констатирующей деталью (*a very large mustache*), которая придает образу правдоподобие, но не создает смысловую перспективу. Портрет главного персонажа создается многочисленными деталями, названными словосочетаниями, которые созданы по модели «attribute + object» (*a thin face, black hair, bright green eyes, round glasses, a very thin scar*).

Последняя деталь, сформированная несколькими экспликационными сочетаниями (*a very thin scar on his forehead that was shaped like a bolt of lightning*), становится «констатирующей деталью со смещенным функциональным аспектом» [Щирова 2003: 80]. Ее главная функция в тексте – идентифицирующая. Перифраз «*the boy with the scar*», используется в качестве регулярной номинативной единицей для обозначения данного персонажа (Гарри Поттера) как в изображенной коммуникации, так и в реальной. Например, в социальной сети Facebook зарегистрирован сайт «Harry Potter – the boy with the lightning scar» [https://www.facebook.com/harrypotterlightningscar?ref=stream&hc_location=timeline].

Средства текстовой экспликации портретной детали способствуют формированию правдоподобия фикционального мира сказки, так как автор использует только непереосмысленные узуальные лексические единицы тематической группы «внешность», а маркеры нежизнеподобного вымысла отсутствуют.

В тексте сказки портрет создает биологическое правдоподобие, так как врожденная способность к занятиям волшебством не репрезентирована внешними физическими характеристиками персонажа, которые соответствуют энциклопедии реального мира.

<...> for me – Ordinary Girl, with my long, all-one-length, medium brown hair. I have dark eyes and a nose that could kindly be described as “strong”. Last year I grew four inches, so I’m five-six now. I have broad shoulders and no hips and am still waiting for breast fairy show up (Tiernan 2001(a): 3).

Для приближения фикционального мира к реальности автор использует графически маркированное словосочетание *Ordinary Girl*, эксплицирующее представление о типичности и заурядности внешности главной героини. Актуализация словарных значений узуальных лексических единиц тематической группы «внешность» (*hair, eyes, nose, shoulders, hips, breast*), а также качественных прилагательных, лишенных эмоциональных коннотаций (*long, dark, broad, all-one-length*) маркирует акты жизнеподобного вымысла, порождающего образ персонажа. Узуальные числительные и название единицы измерения пространства (*four inches, five-six*) повышают детализированность описания и увеличивают степень правдоподобия.

Маркер нежизнеподобного вымысла – авторское лексическое новообра-

зование *blood witch*, называющее порождение синкретичного сказочного вымысла, – воспринимается на фоне миметичного описания внешнего облика как экспрессивная номинативная единица.

I am a blood witch. In my veins flows blood that has been inherited from thousands of years of magick making, thousands of years of witches intermarrying (Tiernan 2001(6): 6) (орфография автора – В.К.)

Называемый индивидуально-авторский ментальный конструкт (потомственная волшебница) представляет собой результат интеграции двух традиционных для английской лингвокультуры ментальных пространств, имеющих узуальное наименование, но различающихся по своей онтологической природе. Первое исходное пространство, обозначенное лексической единицей *blood*, содержит объективно верифицируемую информацию о возможности передачи признаков по линии кровного родства. Второе исходное пространство, обозначенное существительным *witch*, содержит не верифицируемое предположение о способности индивида к совершению волшебных действий. Оба исходных ментальных пространства эксплицированы узуальными лексическими единицами как во внешней структуре (*blood, witch*), так и в текстовой дефиниции новообразования: первое – словами тематической группы «BIOLOGY» (*veins, flow, blood, inherit*), второе – тематической группы «Magic» (*magic making, witches*). Таким образом, порождение синкретичного вымысла представлено как правдоподобный конструкт, основанный на интеграции понятий, непротиворечащих фоновым знаниям читателя, и выраженный номинативной единицей, созданной по продуктивной модели.

Средством повышения правдоподобия фикционального мира сказки является внешнее сходство членов одной семьи, например, матери и дочери.

The heart-shaped face that looked out at her was of a woman who could have been in her midthirties, <...>. Tania saw the familiar high, slanted cheekbones and the full-lipped mouth. And there, gazing serenely out at her, were those smoky green, gold-flecked eyes – the same eyes that Tania saw every day when she looked into the mirror (Jones 2008: 177).

Лексическими экспликантами идентичности приписываемых различным персонажам внешних признаков являются (1) имя прилагательное *same*, интенционал которого содержит сему ‘striking similarity’, (2) имя существительное *mirror*, в жесткий импликационал которого входит сема ‘same’. Семантика прилагательного *familiar* трансформируется в микроконтексте и приобретает значение ‘easy to recognize because it looks exactly like the speaker’. Скопление близких по значению единиц на незначительном отрезке текста приводит к появлению у них окказиональных оттенков смысла, обеспечивающих формирование у читателя представления о важности портретного сходства персонажей для развития повествования.

Аксиологическое правдоподобие фикционального мира сказки обеспе-

чивается неидеализированными описаниями внешности положительных персонажей, поскольку во внетекстовой реальности, положительные морально-нравственные качества не всегда сочетаются с внешней красотой. В фикциональном мире сказки воплощаются каноны красоты, той эпохи, в которую создается текст, например, традиционное для современного социума негативное отношение к груди небольшого размера обуславливает глубокие переживания главной героини цикла *Sweeper*, находящейся в подростковом возрасте. В ее размышлениях об особенностях собственной внешности оценочность выражается как эксплицитно, так и имплицитно.

But every girl here was prettier than I was and had a better body.

Every one of them had bigger breasts than me (Tiernan 2001(a): 82)

Аксиологическая составляющая описания представлена узуальными лексическими единицами, в интенционал которых входит оценочный компонент: *prettier*, *better*. Контекстуальное значение прилагательного *pretty* конкретизируется: автор называет внешний признак, обеспечивающий положительную оценку – *bigger breasts*. Возникающая контекстуальная семантическая близость прилагательных *better* и *bigger*, подчеркнутая идентичностью грамматической формы, позволяет утверждать, что последнее приобретает окказиональное значение ‘*pretty*’, формируя имплицитное содержание реплики персонажа – ‘*you are not beautiful unless you’ve got big breasts*’. Лексический повтор (*every*) и эмфатическая конструкция *Every one of them* усиливают достигнутый эффект, выдвигая на первый план информацию о крайне низкой самооценке персонажа.

And I <...> well, I wasn’t so perfect. A flat-chested girl with a big nose could hardly be called pretty (Tiernan 2001(b): 25).

Экспрессивно-оценочный потенциал данного описания создается отрицательной формой глагола (*wasn’t*) и литотой (*could hardly be called*), которые указывают на отсутствие связей между названными в предложении объектами – главной героиней и красивой внешностью. Контраст между возможным и существующим в фикциональном мире усиливается благодаря нисходящей (обратной) градации. Лексическая единица *perfect* конкретизируется благодаря использованию в непосредственной близости слова *pretty* и приобретает окказиональное значение ‘*beautiful*’. Расположение прилагательных в порядке уменьшения степени проявления признака «красота», использование слов-интенсификаторов *so* и *hardly* обеспечивает эмоционально-экспрессивное усиление высказывания персонажа.

<...> I said, wondering why my fourteen-year-old sister had gotten not only her share of the family chest but my share, too, apparently (Tiernan 2001(a): 66).

Средствами имплицитного выражения современных представлений о канонах женской красоты служат лексические единицы, в интенционал которых не входит оценочный компонент. Глагол *to get*, сильновероятностный импликационал которого включает положительную оценку предмета, выполняющего функцию дополнения, изменяет контекстуальное значение су-

ществительного *chest*. Семантическая структура последнего получает окказиональную сему 'superiority', и у узуально-нейтрального слова появляется положительная оценочная коннотация, актуализируемая в номинативном сочетании *share of the family chest*. Лексическая единица *share*, в жесткий импликационал которой входят ассоциации с долей прибыли, является основой метафорического переноса и формирования контекстуального значения слова *chest* – 'family wealth which secures superiority of its members'. Лексический повтор (*share*) подчеркивает контекстуальную значимость окказионального значения.

Биологическое правдоподобие нарастает, когда его мотивация эксплицируется в текстовом пространстве в результате сочетания двух процессов – развертывания лексической данности и развертывания ситуативной данности (в терминах М. Риффатера), с дальнейшим насыщением описаний вариациями исходных сем или отражающими исходное значение маркерами.

For once she was early and there were only a handful of girls in the yard, all stamping their feet and huddling in their cloaks to keep out the bitter cold (Murphy 1998: 9).

В описании ситуации отсутствуют элементы нежизнеподобного вымысла и причинно-следственные связи между вымышленными объектами аналогичны связям внетекстовой действительности, что позволяет автору ограничиться использованием узуальных лексических единицах. Аналогия реального и вымышленного миров актуализируется «лексической данностью»: исходная сема 'to fight against the cold' входит в жесткий импликационал глаголов, называющих действия персонажей (*to huddle, to stamp*). Словосочетание *bitter cold* развивает исходное значение и придает высказыванию эмфатическую окраску благодаря использованию эпитета с отрицательным оценочным компонентом. Миметическое описание вымышленной ситуации, непротиворечащее «энциклопедии реального мира», создает иллюзию реальности происходящего.

Текстовая репрезентация ситуации, содержащей элементы нежизнеподобного вымысла, организована по аналогичной модели, но в силу необходимости следовать принципу наиболее строгого обоснования наиболее странных утверждений, описание причинно-следственных связей между вымышленными событиями, требует более пространный изложения происходящего.

Титания, королева Фейэри, прожила в аналоге реального мира пятисот лет (After five hundred years in the Mortal World, I was afraid that I might forget my real home" (Jones 2008: 287-288), не старея (I never seemed to grow any older (Jones 2008: 289), и была вынуждена искать способы социализации, при которых ее вечная молодость не вызывала бы у окружающих подозрений. Текстовое объяснение экзистенциально нереализуемой ситуации соответствует энциклопедии реального мира и репрезентировано узуальными лексическими единицами в словарном значении.

I would have to disappear and reappear in another part of Lon-

don with another name and another trade. It was hard in the early times <...> But these days that is less of a problem. I have been Lilit Mariner for almost thirty years and the only thing people ask about the way I look is the name of my cosmetic surgeon (Jones 2008: 289).

Автор предлагает два способа решения проблемы, входящей в модальное поле «нереальное», причем оба способа входят в модальное поле «реальное» и не противоречат энциклопедии реального мира. Первый - предстать человеком с иной биографией. Лексический повтор (*another part, another name, another trade*) придает эмфатическую окраску исходной семе 'different', которая входит в интенционал слова *another* и становится доминантой высказывания. Второй предлагаемый вариант развития ситуативной данности, также приближающий вымышленный мир к внетекстовой реальности, - это обращение к услугам медиков для сохранения молодости. Экпликационное сочетание *cosmetic surgeon*, в жесткий импликационал которого входит сема 'different appearance', создает подобие фикционального мира и современности.

Названные автором детали внешности персонажа позволяют читателю установить соответствие между внешним и внутренним. Однако, ограниченный читательский опыт адресата сказки затрудняет дешифровку информации о внутреннем мире персонажа, поэтому автор вынужден эксплицировать корреляции между портретными и психологическими характеристиками.

Lord Asriel was a tall man with powerful shoulders, a fierce dark face, and eyes that seemed to flash and glitter with savage laughter. It was a face to be dominated by, to fight: never a face to patronize or pity (Pullman 2007: 13).

Дескрипция лица отца главной героини включает в себя лексические единицы, имеющие общие семы 'strong, unrestrained': *fierce, savage, to flash, to glitter*. Внутренний мир персонажа описан глаголами, в семантическую структуру которых также входят компоненты 'strong, unrestrained': *to dominate, to fight*. Экспрессивность высказывания увеличивается благодаря отрицанию *never*, которое сочетается с контекстуальными антонимами - глаголами *to patronize, to pity*, имеющими семы 'weak, worse'.

Дальнейшее развитие образа сильного, свободолюбивого, не признающего условностей персонажа осуществляется с помощью развернутого сравнения с диким животным.

All his movements were large and perfectly balanced, like those of a wild animal, and when he appeared in a room like this, he seemed a wild animal held in a cage too small for it (Pullman 2007: 13).

Автор устанавливает связь между известным читателю фрагментом внетекстовой реальности (*a wild animal in a cage*) и новой информацией (поведение и внешний облик персонажа), таким образом, приближая описываемый фрагмент фикционального мира к действительности. Лексический по-

втор (*wild animal*), повтор на уровне семы (*like, seemed*), метафорическое противопоставление масштабов личности и мелочных условностей окружающего ее мира, усиленное использованием антонимов в синтаксически эквивалентных позициях (*movements large – cage too small*), выдвигают на первый план наиболее важные компоненты смысла: внутренняя сила персонажа, наделенного внешней красотой, таит в себе опасность для окружающих.

Избыточность языковых средств, использованных автором для создания целостного образа, не только усиливает эстетическое воздействие и повышает экспрессивность и эмоциональность текстового фрагмента, но также обеспечивает передачу читателю информации о единстве внешних и психологических характеристик.

Таким образом, биологические характеристики персонажей, созданных синкретичным вымыслом автора, создают правдоподобие вымышленных образов и определяют возможность установления отношений сходства (подобия) между фикциональным миром сказки и внетекстовой реальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клейменова В.Ю. Языковые средства репрезентации вымысла в английской волшебной литературной сказке: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.04 / В.Ю. Клейменова; Российский гос. пед ун-т им. А.И. Герцена. – СПб [б.и.], 2015. – 43 с.
2. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. – 512 с.
3. Щирова И. А. Психологический текст: деталь и образ / И.А. Щирова. – СПб.: Филологический факультет СПб. ГУ, 2003. – 120 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

- Jones F. *The Lost Queen* / F Jones. – Harper Collins Publisher, 2008. – 335 p.
Murphy J. *A Bad Spell for the Worst Witch* / J. Murphy. – L.: Penguin Books, 1988. – 128 p.
Pullman Ph. *Northern Lights* / Ph. Pullman. – L.: Scholastic Children's Books, 2007. – 397 p.
Rowling J.K. *Harry Potter and the Chamber of Secrets* / J.K. Rowling. – L.: Scholastic Inc., 1999. – 342 p.
Tiernan C. *Sweep. Blood Witch* / C. Tiernan. – Penguin Group, 2001 (в). – 202 p.
Tiernan C. *Sweep. Book of Shadows* / C. Tiernan. – Penguin Group, 2001 (а). – 176 p.
Tiernan C. *Sweep. The Coven* / C. Tiernan. – Penguin Group, 2001 (б). – 186 p.

BIOLOGICAL BELIEVABILITY OF FAIRY TALE CHARACTERS AS EMBODIMENT OF SYNCRETICAL FICTION

V.Yu. Kleimenova

Pskov State University, Pskov

Characters of modern literary fairy tales embody the author's syncretical fiction, they come into being due to combination of believable and unbelievable fiction. Characters' biological peculiarities do not contradict the existential experience of the author and the reader and thus secure the believability of the fairy tale fictional world.

Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Выпуск 34. 2016

Key words: *literary fairy tale, syncretical fiction, believable/unbelievable fiction, believability, fictional world, literary detail, mental construction.*

Об авторе:

КЛЕЙМЕНОВА Виктория Юрьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка Псковского государственного университета, *e-mail:* victoria.kleimenova@yandex.ru.

УДК 81:001.4

**ИНТЕРДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ИНТЕГРАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ**

Д.А. Кожанов

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

В статье сопоставляются различные подходы к пониманию интердискурсивности. Феномен интердискурсивности рассматривается в русле интегральной парадигмы лингвистического научного знания, характерной чертой которой является тенденция к синтезу когнитивных и коммуникативных методов анализа языкового материала.

Ключевые слова: *дискурс, интердискурсивность, парадигма, взаимодействие дискурсов.*

Интенсивное развитие лингвистических исследований, посвященных проблеме взаимодействия дискурсов, имеющее место в начале XXI века, в первую очередь связано со сменой научной парадигмы в лингвистике и распространением постмодернистской философии в гуманитарных науках в целом. Новый подход к пониманию процессов категоризации, отказ от понятия объективной истины и интерпретация знания как продукта социально-культурного конструирования обусловили появление целого ряда новых направлений в лингвистике, к которым относятся и интердискурсивные исследования.

Новые подходы к изучению языкового материала потребовали, в свою очередь, разработки новой терминологии, соответствующей методологическим установкам исследователей. Терминологический аппарат лингвистики пополняется целым рядом терминов, в значениях которых находит свое отражение тот или иной аспект сложного понятия «взаимодействие дискурсов». Речь идет о таких единицах, как интердискурсивность, интерференция дискурсов, полидискурсивность, смешение дискурсов, дискурс-донор и других, терминологические значения которых могут быть сформулированы только в общем контексте доминирующей научной парадигмы.

Понятие общего контекста научной парадигмы связано с распространенными в современном обществе представлениями о науке, как об особом